ЗАПИСКИ О ВОЗСОЕДИНЕНІИ ГРЕКО-УНІЯТСКАГО ДУХОВЕНСТВА И НАРОДА ВЪ БѢЛОРУССІИ И НА ВОЛЫНИ СЪ ПРАВОЛАВНОЮ ЦЕРКОВІЮ [1]).

Точное и подробное изложеніе моихъ собственныхъ дѣйствій и трудовъ въ дѣлѣ возсоединенія Греко-Унитской въ Бѣлорусской обширнѣйшей епархіи Церкви съ Православною отечественною Церковію.

Писалъ для памяти потомства и будущаго историка Василій архіепископъ бывшій Полоцкій и Витебскій. 1866 года.

Предисловіе.

Милостію Господа достигнувъ вечера—вечера поздняго, я рѣшился писать мои воспоминанія о дѣлѣ, на которое положилъ всѣ мои силы, всю мою жизнь. Дѣло это—Возсоединеніе Уніи въ Бѣлоруссіи и на Волыни. Я преданъ былъ этому дѣлу болѣе чѣмъ моей жизни, занимался имъ по крайнему разумѣнію, по совѣсти и по истинѣ: это вѣдаетъ Богъ, предъ Которымъ готовлюсь предстать и ежедневно не устаю благодарить Его всеблагій Промыслъ, удостоившій меня быть дѣятелемъ великаго Церкви Православной событія.

Много скорби душевной, много печали отъ злобы и клеветы людской перенесъ и я, перенесли и мои смиренные сотрудники: духовенство, бывшее Унитское, усердно помогавшее мнѣ въ святомъ дѣлѣ. Причины понятныя: мы подвизались въ странѣ, гдѣ масса народонаселенія хотя состояла изъ древле-православныхъ, но гдѣ правящій

---

[1]) На тетради этихъ Записокъ сообщенныхъ сочинителемъ покойному Ю. В. Толстому и вѣроятно по его вызову написанныхъ, означено рукою сего послѣдняго: „Петру Ивановичу Бартеневу, но не прежде какъ по смерти преосвященнаго Василія. 21 Мая 1874."

умъ, т. е. дворянство и всѣ почти лица начальствовавшія, были Римскіе Католики, а руководящій ими духъ былъ Латино-Польскій, т. е. изъ всѣхъ фанатизмовъ самый враждебный всему Русскому, пронырливый и дальновидный на все предательское. Они видѣли, что народонаселеніе Унитское, болѣе милліона муж. пола, въ управляемой мною Бѣлорусской епархіи навсегда исторгается изъ-подъ вліянія ксендзовъ, упорно сохранявшихъ надежду присоединить ихъ, при удобномъ случаѣ, къ вѣрованію въ своего чужеземнаго владыку. Не было интриги, которая не была бы употреблена противъ насъ-дѣятелей; не было безчестнаго вымысла, не было клеветы, которыя не были бы пущены въ ходъ особенно противъ меня. Но мы не смущались и сооружали святое дѣло въ твердомъ упованіи на помощь Всевышняго, на покровительство Государя Императора, на поддержку оберъ-прокурора графа Николая Александровича Протасова и на сочувствіе людей благомыслящихъ. Испыталъ я и другія скорби болѣе глубокія, болѣзни души незалечимыя.... Желалъ бы забыть эти душевныя скорби—не могу! Со стороны нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ правителей я встрѣтилъ не только равнодушіе и противодѣйствія, но злобу, клевету и настоящее гоненіе. Одни изъ нихъ, по скудости умственной, не умѣли видѣть, что̀ пріобрѣтаютъ Церковь и Отечество, возвращая отторженныхъ насиліемъ дѣтей; другіе, по безнравственности, по вліянію интригъ, даже женщинъ, не хотѣли этого видѣть. На меня посылались доносы, составлялись всевозможныя мѣстныя препятствія и помѣхи, и мнѣ, неустанно занятому дѣломъ Возсоединенія, приходилось отписываться, оправдываться и бороться. Трудно и прискорбно бывало. Господь милосердый поддерживалъ меня, здоровье мое служило, духъ не ослабѣвалъ, и я, почерпая силы нравственныя въ самомъ трудѣ моемъ, успѣвалъ утѣшать и моихъ смиренныхъ сотрудниковъ.

Пробуждая воспоминанія прискорбныя, я съ отрадою вспоминаю и общую долю радостей, которыя не допускали меня ослабѣвать. Мудрая воля незабвеннаго императора Николая I, монарха благочестиваго, любившаго и знавшаго Россію, пожелала, чтобы совершилось Возсоединеніе безъ насилія, а только силою убѣжденія. Эта державная воля слѣдила за всѣми моими дѣйствіями чрезъ посредство моихъ руководителей, которыми были митрополитъ всѣхъ Греко-Унитскихъ церквей въ Россіи архіепископъ Полоцкій *Іосафатъ Булгакъ*, пастырь добрый, въ духѣ истинно-евангельскомъ; а потомъ (съ начала 1837 года) и *графъ Протасовъ*, оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода, сановникъ достойный чести быть докладчикомъ мудраго монарха, человѣкъ благочестивый, просвѣщенный и пламенно желавшій добра. Представленія мои оцѣнивались и поощрялись, а по мѣрѣ какъ развивалось и подвигалось

дѣло, мнѣ дано было все нужное для успѣха полномочіе. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ гражданскихъ правителей благодушно смотрѣли на готовившееся событіе и не отказывали мнѣ въ содѣйствіи. Сотрудники мои были исполнены доброй воли и трудились на пользу Православной Церкви въ безвѣстности, перенося клевету и гоненіе. Труды ихъ въ безвѣстности и остались: съ ними поступили какъ поступаютъ съ подпорками, когда окончено вновь возводимое зданіе: подпорки убираютъ прочь—онѣ уже не нужны! На возсоединенныхъ пастырей, даже и доселѣ, черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, смотрятъ еще съ какою-то странною недовѣрчивостію, съ какимъ-то предубѣжденіемъ, и немного есть людей, даже между духовенствомъ, которые о дѣлѣ Возсоединенія имѣютъ полное и правильное понятіе. Вотъ главная причина, побудившая меня, семидесяти-восьми-лѣтняго старца, написать 1866 года мои Записки, не имѣя, къ сожалѣнію, возможности писать исторію. Но Записки мои могутъ служить вѣрнымъ матеріаломъ для будущаго историка въ томъ, что̀ касается Возсоединенія Уніи въ Бѣлоруссіи и на Волыни.

Возсоединеніе заслуживаетъ того, чтобы имѣть своего историка. Стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на прошедшее. Когда судьба войны предала временно въ руки Поляковъ древнее достояніе Россіи—прекрасныя земли по теченію Днѣпра,—всѣ знаютъ, какія мѣры приняла Польская пропаганда для обращенія Православныхъ къ Римскому Католичеству. И доселѣ справедливая ненависть народа хранитъ въ живой памяти всѣ насилія, всѣ неистовства, всѣ звѣрства, которымъ предавались тамъ ксендзы и начальствующіе Ляхи, доставляя новыхъ сыновъ Римскому фанатизму.

Долгіе годы кровавыхъ утѣсненій не привели однако къ желанному результату: Православіе держалось-твердо, новообращенныхъ было немного... и вотъ іезуитскій умъ, дальнозоркій и, можно сказать, мудрый на всякое дѣло зла и коварства, создалъ *Унію* на началахъ весьма удобныхъ для незамѣтнаго, постепеннаго, но вѣрнаго перехода отъ Православія къ Католичеству.

Пришли новые годы—родныя земли возвратились въ составъ Отечества; но Православіе было подкопано, народъ не зналъ, какой онъ вѣры, а самая церковь именовалась *Римско*-Унитскою, а не *Греко*-Унитскою, какъ въ послѣдствіи до Возсоединенія. Народъ говорилъ поруски и на Русскомъ языкѣ (на Славянскомъ) слушалъ обѣдни, а молился попольски, и Русскій народъ заставляли молиться за папу! Правительство Русское видѣло все это, но, всегда вѣрное мудрой системѣ терпимости, не хотѣло принимать крутыхъ мѣръ, а всего ожидало отъ времени. Время настало не скоро: только въ 1799 году митрополитъ

Лисовскій, бывъ тогда архіепископомъ Полоцкимъ, дѣйствуя съ осторожностію и исподоволь, положилъ начало Возсоединенію. За нимъ архіепископъ *Красовскій* и митрополитъ *Кохановичъ* дѣйствовали въ томъ же духѣ, и всѣ трое, благодаря коznямъ Польской партіи въ Петербургѣ, понесли тяжкій крестъ за свои подвиги истинно-апостольскіе.

Мнѣ, смиренному, въ слѣдъ трехъ названныхъ святителей, судилъ Господь Богъ Всеблагій докончить и совершить дѣло Возсоединенія въ Бѣлоруссіи и на Волыни. Не славлюсь и не кичусь моими подвигами. Я награжденъ отъ монаршихъ милостей всѣмъ, чѣмъ награждается человѣческая суетность; но, приближаясь къ предѣлу жизни, могу сказать, какъ скажу предъ самимъ Богомъ: «я совершилъ мой трудъ по долгу, по правдѣ и по совѣсти!»

Уповаю, что человѣкъ благодушный, которому случится прочитать мои *Воспоминанія*, будетъ правильнѣе смотрѣть на труды мои и помолится о потрудившемся, да не безплоденъ буду предъ Господомъ!

Краткій очеркъ жизнеописанія.

Для памяти потомства повторю, наконецъ, не обинуясь, что единымъ главнымъ дѣятелемъ и виновникомъ присоединенія Греко-Унитовъ духовенства и народа въ Бѣлорусской обширнѣйшей епрахіи, раскинутой на протяженіи семи губерній, именно Витебской, Курляндской, Минской, Могилевской, Кіевской, Волынской [1]) и Херсонской,—былъ я, въ званіи епископа Оршанскаго, *Василій Лужинъ-Лужинскій*, управлявшій тою епархіею въ зависимости отъ архіепископа Полоцкаго, митрополита всѣхъ Греко-Унитскихъ церквей *Іосафати Булгаки*. Въ названныхъ губерніяхъ было 17 муж. и 3 женск. монастыря; 700 Греко-Унитскихъ церквей съ 770 лицами духовенства и болѣе милліона народа. Самъ я непосредственно, лицомъ къ лицу, каждаго священника въ долгѣ его вразумлялъ, наставлялъ и увѣщевалъ, въ первыхъ четырехъ сказанныхъ губерніяхъ [2]), а въ трехъ послѣднихъ губерніяхъ чрезъ посредство благочинныхъ и настоятелей монастырей, вызываемыхъ въ епархіальный городъ Полоцкъ и непосредственнымъ увѣщаніемъ моимъ здѣсь расположенныхъ къ общему Возсоединенію. Неусыпно работалъ я съ самоотверженіемъ семь лѣтъ (1833, 1834, 1835, 1836, 1837, 1838, 1839) надъ дѣломъ Возсоединенія, которое при помощи Божіей увѣнчалось успѣхомъ 1839 года.

---

[1]) Пропущено: „Подольской“

[2]) Витебской, Курляндской, Минской *и* Могилевской.

Отецъ мой происходилъ изъ дворянъ Греко-Унитскаго исповѣданія Червонной Руси. Сначала онъ занимался свѣтскими дѣлами; потомъ по неизвѣстнымъ поводамъ сдѣлался пастыремъ [3]). Мать моя *Маѳа*, урожденная *Куровская*, была дочь помѣщика Могилевской губерніи Бѣлицкаго уѣзда *Франца Куровскаго*. Я родился въ 1791 году Марта 21 дня, когда отецъ мой былъ пресвитеромъ и, еще въ младенчествѣ остался сиротою. Двоюродный мой дядя по матери, помѣщикъ Бѣлицкаго уѣзда *Кельчевскій*, замѣнивъ мнѣ юношѣ (Василію) отца, сталъ воспитывать меня для міра; но въ мірѣ оставаться не судилъ мнѣ Промыслъ: благодѣтель-дядя умеръ, и вдовствующая мать взяла юношу и доставила меня, по волѣ архіепископа Полоцкаго *Ираклія Лисовскаго*, въ только что открывшуюся въ Бѣлоруссіи Семинарію (1802 года). Все это, конечно, совершилось по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла.

Еще не опушились ланиты юноши, но мною владѣла уже особая любовь къ духовнымъ наукамъ и пастырскому званію. По окончаніи семинарскаго образованія, а потомъ и наукъ философскихъ въ Полоцкой Академіи бывшихъ іезуитовъ, гдѣ, пожавъ уже нѣсколько познаній бывшаго образованія, выдержалъ экзаменъ и получилъ дипломъ на степень кандидата философіи [4]), я былъ отправленъ въ Виленскій Императорскій Университетъ, гдѣ за повтореніемъ наукъ философскихъ и физико-математическихъ, изучивъ и твердо уразумѣвъ всѣ предметы, преподаваемые въ богословскомъ факультетѣ, по ученію древней Галликанской церкви, удостоенъ званія магистра богословія и получилъ дипломъ на эту ученую степень, имѣя уже санъ іерея-целибата (безбрачнаго).

Я восприялъ священство 1819 года Августа 6-го дня, въ селѣ Судиловичахъ, Лепельскаго уѣзда Витебской губерніи, въ церкви при резиденціи архіепископа Полоцкаго *Красовскаго* изъ рукъ его, куда онъ вызвалъ меня для сего изъ города Вильно и, по возвращеніи потомъ въ Вильно, исправлялъ должность префекта Виленской Императорской Семинаріи, по назначенію совѣта онаго Университета на 28-мъ году отъ рожденія своего.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, по написаніи предложенной диссертаціи, напечатаніи и публичномъ защищеніи ея, я признанъ вполнѣ достойнымъ степени доктора богословія и торжественно увѣн-

---

[3]) Отецъ мой рукоположенъ 14 Сент. 1777 года архіепископомъ Смоленскимъ и Сѣверскимъ *Іосифомъ Ленковскимъ*, архимандритомъ Онуфріевскимъ, въ церкви Онуфріевской, въ архидіоцезію митрополитанскую, въ протопресвитерію Гомельскую, къ церкви Круговской, а оттуда былъ переведенъ на второе мѣсто въ село Старую Рудню, Рогачевскаго уѣзда, гдѣ и умеръ.

[4]) 1816 года Іюля 15 дня.

чанъ пунцовою докторскою тогою съ брилліантовымъ перстнемъ. Скоро совѣтъ Университета избралъ въ префекты Императорской при томъ Университетѣ Семинаріи. Но Полоцкій архіепископъ *Іоаннъ Красовскій,* любившій меня какъ сына и называвшій меня не иначе какъ *сыномъ возлюбленнѣйшимъ,* настоялъ на томъ, въ чемъ и успѣлъ, чтобы я потрудился въ своей Полоцкой Семинаріи и епархіи, гдѣ и занялъ мѣста: префекта и инспектора, съ правами и преимуществами ректора, члена Духовной Консисторіи, богослова *ad latus* и коммиссара по епархіальному управленію при упомянутомъ архіепископѣ, принимая нерѣдко участіе въ дѣлахъ по управленію епархіальному. Но Виленскій Университетъ не забылъ о мнѣ: чрезъ нѣсколько времени, совѣтъ Университета вторично избралъ меня въ префекты главной Виленской Семинаріи и я, бывъ призванъ изъ епархіи, по распоряженію высшаго начальства (1824 г.) на предназначенное мнѣ мѣсто, возведенъ въ каѳедральные каноники, а чрезъ два года потомъ Виленскимъ Греко-Унитскимъ епархіальнымъ архіереемъ, епископомъ *Андреяномъ Головнею,* опредѣленъ и экзаменаторомъ ставлениковъ и членомъ Виленской Консисторіи по дѣламъ бракоразводнымъ.

Послѣ пятилѣтней службы на этомъ поприщѣ, пройденномъ съ честію и славою, я, по Высочайшему соизволенію, опредѣленъ ассесоромъ Греко-Унитской Духовной Коллегіи въ С.-Петербургѣ, и награжденъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества наперснымъ крестомъ съ пенсіономъ.

Много времени посвящено было наукамъ и служебнымъ занятіямъ. Мнѣ исполнилось почти 40 лѣтъ. Любомудрая, по Божію благословенію, дѣятельность моя обратила особенное вниманіе маститаго святителя, высоко-ученаго въ Римѣ, предсѣдателя Греко-Унитской Духовной Коллегіи, архіепископа Полоцкаго, митрополита *Іосафата Булгака,* полюбившаго меня всѣмъ сердцемъ.

Когда установилась между нами взаимная довѣренность на столько, что мы раскрыли другъ другу глубины сердечныя; когда мы соединились между собою еще тѣснѣйшими узами любви: тогда этотъ незабвенный архипастырь возъимѣлъ искреннее желаніе имѣть меня своимъ викаріемъ-епископомъ.

Въ этотъ періодъ времени состоялся окончательно проектъ, давно задуманный, о Возсоединеніи Унитской въ Россіи Церкви съ Православною Восточно-каѳолическою Церковью.

1833 года въ Маѣ мѣсяцѣ я былъ командированъ архіепископомъ Полоцкимъ, митрополитомъ *Булгакомъ,* съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора Николая I-го, въ Бѣлоруссію для благоустройства обширнѣйшей епархіи по управленію духовенствомъ, а въ 6-й день

Декабря, вслѣдствіе ходатайства митрополита *Іосафата Булгака*, Высочайше повелѣно быть викарнымъ епископомъ Полоцкой епархіи съ наименованіемъ Оршанскаго и явиться въ С.-Петербургъ для хиротоніи во епископа, которая въ началѣ 1834 года совершена надо мною митрополитомъ *Іосафатомъ Булгакомъ*, на основаніи предоставленной на это митрополитамъ Уніатскимъ юридической власти, совмѣстно съ епископами: Литовскимъ *Іосифомъ Сѣмашко* и Пинскимъ *Іосафатомъ Жарскимъ*, въ Греко-Унитской при Коллегіи церкви. За тѣмъ, снабдивъ меня хиротонійною грамотою и архипастырскою инструкціею, митрополитъ, снявъ съ себя драгоцѣнный золотой крестъ, возложилъ его на шею мою, поручая мнѣ, съ Высочайшаго соизволенія, управленіе Бѣлорусскою епархіею со властію епархіальнаго архіерея.

По возвращеніи изъ С.-Петербурга въ Полоцкъ съ такою властію, управляя епархіею, я, покорствуя мудрой мысли святителя-митрополита, напрягалъ всѣ усилія и усугублялъ всю заботу, согласно желанію его святѣйшества, объ устройствѣ бывшихъ Унитскихъ церквей, соотвѣтственно духу и правиламъ Православно-каѳолической Восточной Церкви, а паче всего и болѣе всего, о направленіи мыслей и духа всѣхъ пастырей, пасомыхъ ими людей, наставниковъ и воспитанниковъ Семинаріи, настоятелей монастырей и монашествующей братіи къ высокой цѣли будущаго всѣхъ ихъ, въ одно время съ архипастырями-святителями,—*Возсоединенія*, которое, по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, пало на долю 1839 года.

Знаки монаршихъ ко мнѣ милостей слѣдующіе.

Въ санѣ епископа пожалованы мнѣ: въ даръ драгоцѣнное полное архіерейское облаченіе, съ золотою митрою и посохомъ чистаго серебра 1834 года; золотая съ такою же цѣпію панагія, украшенная бриліантами и драгоцѣнными камнями 1836 года; орденъ Св. Анны 1-й степени 1838 года; пенсія 6000 рублей ассигнаціями въ добавокъ доходамъ отъ имѣнія Борисоглѣбскаго Полоцкаго монастыря; возведеніе въ санъ архіепископа Полоцкаго и Витебскаго 1841 года; орденъ Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й степени большаго креста 1845 года; орденъ Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго 1851 года съ пенсіономъ по 500 рублей въ годъ [5]); орденъ того-же Святаго Александра Невскаго, коего звѣзда и крестъ осыпаны драгоцѣнными бриліантами 1856 года; вызовъ по особенному Высочайшему повелѣнію въ Москву для присутствованія при священнѣй-

[5]) Каковой получаю 5-й годъ.

шемъ коронованіи и мѵропомазаніи Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра II и Государыни Императрицы Маріи Александровны 1856 года, сопровождавшійся богатымъ даромъ— полнымъ драгоцѣннымъ архіерейскимъ облаченіемъ; орденъ Императорскаго Святаго Равноапостольнаго князя Владимира 1-й степени 1867 года и Высочайшее Всемилостивѣйшее пожалованіе членомъ Святѣйшаго Сѵнода того же года.

Высочайшихъ же благоволеній и благодарностей объявлено мнѣ въ разное время 18-ть и отъ Его Высочества Наслѣдника Благовѣрнаго Государя Александра Николаевича (нынѣ Благочестивѣйшій Императоръ) два съ рескриптами; благодарности съ глубокою признательностію отъ Его Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича двѣ, и благодарность отъ Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича одна.

А отъ непосредственнаго начальства въ продолженіе всей службы благодарностей и признательностей 20-ть.

Этимъ оканчивается краткій очеркъ обстоятельствъ жизни и дѣяній моихъ. Остается прибавить, что я, состоя вице-президентомъ Витебскаго попечительнаго о тюрьмахъ Комитета, удостоился особеннаго Высочайшаго благоволенія; состоялъ въ Отечествѣ почетнымъ членомъ Витебскаго губернскаго статистическаго Комитета, президентомъ Совѣта миссіонерскаго общества; а за границею: а) членомъ Копенгагенскаго королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ, и б) почетнымъ президентомъ Африканскаго общества въ Парижѣ о выкупѣ невольниковъ (de l'esclavage).